

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

Л.С.Хейфец

Карибская история мировой революции

Sandra Pujals. *Un Caribe soviético: el comunismo internacional en Puerto Rico y el Caribe, 1919—1943.* Madrid: Ediciones Complutense, 2022, 286 p.

Рецензируемая книга Сандры Пухальс — результат исследования малоизученной истории становления коммунистического движения в Карибском бассейне, в первую очередь в Пуэрто-Рико. Автор, на базе ранее неизвестных архивных документов, сумела показать противоречия развития революционного движения в Пуэрто-Рико, характер отношений Карибского бюро Коминтерна и компартии США в вопросах формирования антиимпериалистического и коммунистического движения на Карибах, восстановила неизвестные эпизоды биографий участников событий.

Ключевые слова: Хайме Неварес; Всесоюзная антиимпериалистическая лига; Коммунистическая партия Пуэрто-Рико; Коминтерн; Националистическая партия.

DOI: 10.31857/S0044748X25020086

Рецензия поступила в редакцию 10.06.2024.

В историографии III, Коммунистического, Интернационала имелось несколько врожденных травм. Во-первых, с самого начала она оказалась разделена идеологическими границами, а две школы — марксистская (условно) и антисоветская (столь же условно) — бескомпромиссно противостояли друг другу. Третьего практически было не дано. Попытки подойти к исследованию объективно сталкивались с другой проблемой: авторы были в значительной мере лишены доступа к документальной базе, и поэтому, как писал патриарх исследований латиноамериканского коммунистического движения Роберт Дж.Александер, их работы во многом строились на «предположениях и догадках». Марксисты опирались на опубликованные документы и на тщательно отобранные материалы архива Коминтерна

Лазарь Соломонович Хейфец — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9); профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения (РФ, 190000 Санкт-Петербург, Большая Морская ул., 67, ilaranspb@hotmail.com, ORCID: 0000-0001-6376-7813).

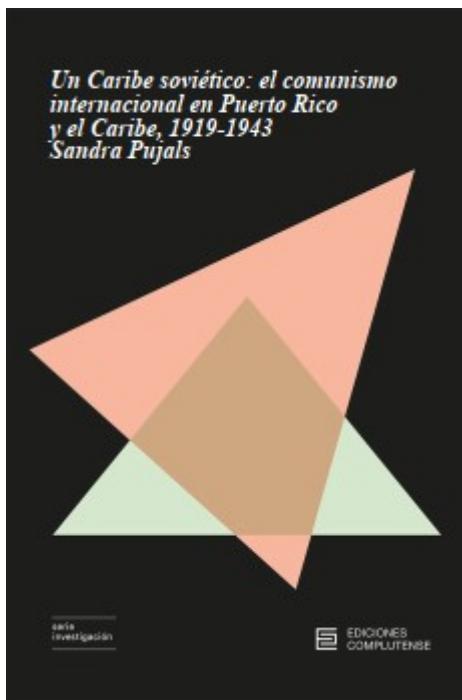
и компартий, к которым были допущены очень немногие ученые и которые подтверждали господствующую в коммунистическом сегменте историографии точку зрения. Их идеиные противники использовали интервью, мемуары, материалы прессы, еще чаще прибегали к информации, полученной от «ренегатов», — деятелей компартий, оказавшихся — в силу разных причин — вне коммунистического движения. И та, и другая позиции в результате указанных причин были односторонними, однобокими. Идеология брала верх над наукой.

Латиноамериканские компартии, за редким исключением, неохотно изучали свою историю, хотя у них был свободный доступ к хранившимся в Москве архивам. Это можно объяснить нелегкими условиями их деятельности: работа в подполье, репрессии, обнародование каких-то сюжетов, имен создавали серьезные проблемы, давали их противникам дополнительные поводы для преследований. Есть и другое объяснение: некоторые «исторические» лидеры партий опасались, что огласка некоторых фактов, публикация документов поколеблют их авторитет.

Открытие архива Коминтерна произвело революцию в историографии. Стоскавшиеся по отсутствию документов ученые со всего мира буквально «опьяняли» от их обилия. Каждая новая книга или статья становились откровением, сенсацией. И это родило новую проблему: оценки событий зачастую снова оказывались односторонними — опираясь на сенсационные документы, авторы не успевали добраться до других фондов архива (и до других архивов), хотя там встречались материалы, уточнявшие или опровергавшие опубликованные. И только исследуя проблемы в комплексе можно было приблизиться к исторической правде.

Со временем показалось, что бум «коминтерноведения» закончился. Однако новое поколение исследователей, к которому принадлежит пуэрто-риканская исследовательница Сандра Пухальс, пошло дальше: от тщательно изученных документов архива Коминтерна к национальным, семейным архивам. И оказалось, что есть второй, третий слои информации, открылись новые имена, новые факты, изменились оценки. Что было бы, к примеру, если бы Генрих Шлиман, найдя артефакты, которые он принял за Трою, остановился бы на этом? Человечество так бы и не узнало подлинных сокровищ гомеровской Трои.

Книга начинается с выражения благодарности коллегам из разных стран за помощь и поддержку. Это не просто слова. Можно сказать, что это отражение интересного явления, характерного для изучения истории Коминтерна и его отношений с национальными секциями в Латинской Америке в последние десятилетия, — сложился настоящий интернационал исследователей международной компартии, существующий без границ и без деления по идеологическим принципам. Противоречия и дискуссии сохранились, но авторов из разных стран объединяет опора на документы, а не «на предположения и догадки», что позволяет им буквально по кирпичику выстраивать объективную картину истории коммунистического движения в Новом Свете. На это обращает внимание в своем предисловии «На пути к

Лазарь Хейфец

красному Карибскому морю. Коминтерновский мир и историография региона» к книге С.Пухальс российский ученый В.Л.Хейфец.

Долгое время уязвимым местом изучения западными историками деятельности Коминтерна в Латинской Америке оказывалось незнание большинством русского и немецкого языков, тогда как именно советские и восточнонемецкие ученые находились в авангарде коммунистического направления. Можно только позавидовать пуэрто-риканской исследовательнице, владеющей испанским, русским и английским языками — ключевыми для исследования латиноамериканского революционного движения в XX в., и ее неподдельному интересу к изучению почти неизученной темы, проделанной ею гигантской работе по систематизации документов архивов России, США, Испании, Пуэрто-Рико, Нидерландов.

Нельзя не согласиться с С.Пухальс в том, что ее книга — это «скорее археологический, чем нарративный проект, поскольку события, связанные с данным процессом, происходили одновременно на нескольких уровнях». И хотя сама автор применяет эту оценку лишь к одному из сюжетов, ее можно распространить на все исследование.

В книге рассматривается феномен пуэрто-риканского пути в III Интернационал, отличавшийся значительными особенностями. Если в Европе большинство компартий родилось в результате раскола социал-демократов, то Латинская Америка показала многообразие форм становления организаций — сторонников Коминтерна. Создание же пуэрто-риканской партии радикально отличалось от формирования остальных национальных секций на континенте.

Официальная дата создания Коммунистической партии Пуэрто-Рико (*Partido Comunista de Puerto Rico, PCPR*) — 1934 год. Однако первая попытка создать коммунистическую организацию на острове была предпринята значительно раньше, и С.Пухальс рассказывает о двух этапах создания партии. Первым шагом стало учреждение секции Всеамериканской Антиимпериалистической лиги (*Liga Antimperialista de las Américas, LADLA*), на базе которой была создана Коммунистическая лига Пуэрто-Рико (*Liga Comunista de Puerto Rico, LC*). И неудивительно, что центральной фигурой исследования стал их основатель — один из самых загадочных «агентов Коминтерна» Хайме Неварес Сагер (Джеймс Хартфилд), имя которого связано с историей революционного движения 1920—1930-х годов четырех стран (США, Пуэрто-Рико, Колумбии и Венесуэлы), но деятельность которого долгие годы оставалась в тени. И только недавно историки обратили на него свое внимание [1; 2; 3; 4]. С.Пухальс, отталкиваясь от работ предшественников, пошла значительно дальше, нарисовав полный портрет этой уникальной личности и его роли в латиноамериканском коммунистическом движении.

«Наставником» Х.Невареса автор называет секретаря североамериканской секции *LADLA* и руководителя антиимпериалистического департамента Исполкома Рабочей (коммунистической) партии Америки (*Workers' (Communist) Party of America, W(C)PA*) «Мануэля Гомеса» (Чарльза Филиппса), накопившего к 1919—1920 гг. уникальный опыт участия в создании трех партий: мексиканской и испанской компартии, а также коммунистической секции Кубы. Он был делегатом II конгресса Коминтерна и встречался с В.И.Лениным. Правда, называя *LADLA* «федом» Гомеса [5, р. 84], С.Пухальс несколько преувеличивает его роль. Американец действительно планировал возглавлять Лигу и разместить ее штаб-квартиру в Чикаго, но латиноамериканские эмигранты, игравшие важную роль в деятельности мексиканской секции (Сальвадор де ла Пласа, Хулио Антонио Мелья и др.) настояли на том, чтобы Континентальный Комитет работал в Мехико, действуя автономно от североамериканской секции. Пуэрто-Рико же, оккупированное американскими войсками, несомненно, было «вотчиной» Гомеса.

«В одной лодке! Джеймс Сагер, Всеамериканская антиимпериалистическая лига и Националистическая партия Пуэрто-Рико, 1925—1927». Так С.Пухальс называ-

ла главу, посвященную попыткам Х.Невареса Сагера вовлечь в деятельность *LADLA* (которую в Коминтерне рассматривали как форму единого фронта для колониальных и зависимых стран) сторонников независимости Пуэрто-Рико. Автор обращает особое внимание на то, что Гомес, считая возможное присоединение националистов к Лиге «большим успехом», заявил: «Придет время, когда нам придется бороться против этой организации. Однако, пока она верна делу независимости Пуэрто-Рико, мы должны с ней работать» [5, р. 83]. В этом не было противоречия. *LADLA* изначально создавалась как союз представителей разных классов и сторонников разных идеологий, объединенных борьбой с империализмом и колониализмом. Конечно, имелась и сверхзадача, потаенная мысль подчинить эту борьбу цели Коминтерна — мировой пролетарской революции, но она так и не была реализована ни в Пуэрто-Рико, ни в мировом масштабе.

Как пишет С.Пухальс, «эйфорические проекты» Х.Невареса Сагера и М.Гомеса реализовались далеко не сразу из-за отсутствия консенсуса в руководстве националистов. Председатель Националистической партии (*Partido Nacionalista, PN*) Акоста Веларде возражал против полномасштабного сотрудничества с *LADLA* без решения Генеральной Ассамблеи, считая возможным ее поддержку в «индивидуальном порядке». Его смущало нелегальное положение Х.Невареса Сагера, опасение, что «тайный аспект дела» поставит под сомнение честность его партии. Тогда националист, конечно, и предположить не мог, какой станет его партия через несколько лет, встав на путь применения силовых методов борьбы за независимость.

Главным же препятствием для заключения альянса было, конечно, не это. Автор обращает внимание на заключение Акосты Веларде: «Насколько мне известно, антиимпериалистическая лига имеет коммунистические тенденции, и хотя мы симпатизируем лиге в антиимпериалистическом контексте, мы не можем и не должны присоединяться к ней, потому что она коммунистическая» [5, р. 85]. Но, как пишет С.Пухальс, и М.Гомес не сдавался, рекомендую поддерживать союз с мелкобуржуазными (т.е. националистическими) и со всеми другими силами, которые готовы присоединиться к антиимпериалистической борьбе.

В главе «Арка «Нет-да». Антиимпериалистическая Лига и Националистическая партия» автор пишет о том, что противоречия в *PN* по поводу отношений с *LADLA* были отражением борьбы за власть между фракциями Педро Альбису Кампоса и Акосты Веларде, между «группой молодежи и конclave старейшин». Она высказывает предположение, что у П.Альбису Кампоса имелся собственный проект, для реализации которого его сторонники нуждались в тайной поддержке Х.Невареса Сагера. По мысли П.Альбису Кампоса, для превращения *PN* в «главного и единственного лидера масс» требовалось устраниить контроль со стороны социалистов и для этого *W(C)PA* предлагалось обеспечить «проникновение испаноязычных коммунистов в профсоюзы». Формула будущего в его изложении выглядела как сказка: «После завершения националистической революции националистическая партия перестает функционировать в Пуэрто-Рико. Произойдет быстрая [политическая] трансформация, после которой самой сильной станет Коммунистическая партия, которая придет к власти без сильного сопротивления», связывая это с Советским Союзом — «опорой всех национально-освободительных движений в колониях и полуколониях из-за моральной и материальной помощи, которую он оказывает всем тем, кто сражается» [5, р. 92].

Оптимизму эмиссара американских коммунистов в его отношении к альянсу с *PN* мешало то, что в позиции молодого националистического лидера он усматривал «скорее антисевероамериканские и расовые» мотивы, чем антиимпериалистические, а движение он идентифицировал как «руководствующееся буржуазными предрассудками» [5, р. 88]. Однако, как пишет С.Пухальс, несмотря на усилия М.Гомеса и Х.Невареса Сагера в Пуэрто-Рико альянс с националистами не сложился, «плыть в одной лодке» не получилось, но был и положительный результат

для *PN*: ее голос прозвучал на Брюссельском антиимпериалистическом конгрессе — Оргкомитет конгресса опубликовал декларацию Националистической партии Пуэрто-Рико на немецком языке [5, р. 94]. Предполагалось, что рупором партии станет известный мексиканский писатель и философ, министр народного образования в правительстве Альваро Обрегона (1920—1924) Хоце Вакконселос (на конгрессе он будет избран членом Генерального совета Лиги против империализма и за национальную независимость), приехавший на остров для чтения лекций в университете. Как отмечает автор, предполагалось, что он может стать «социальным и политическим рычагом» местной секции *LADLA*. М.Гомес характеризовал того как «воинственного врага американского империализма», интеллектуала, «полного запутанных идей». «Такие люди, как Вакконселос, — писал он Х.Неваресу Сагеру, — нуждаются в нашей поддержке, нашем давлении за их спиной — и они нужны нам» [5, р. 93]. Но мексиканец не в полной мере оправдал надежды коммунистов. После общения с руководством *PN* Вакконселос взял на себя роль представителя партии на Брюссельском конгрессе, но не стал зачитывать во Дворце Эг蒙та заявление партии о колониальной ситуации в Пуэрто-Рико, предпочтя говорить в целом о Латинской Америке.

С.Пухальс провела настоящее расследование одиссеи Х.Невареса Сагера, итоги которого изложила в главе «По следам Хайме Невареса: откровения из неизвестного архива о загадочном основателе Коммунистической партии Колумбии, 1925—1979 гг.». Главной удачей пуэрто-риканской ученым стало обнаружение его личного архива в Публичной библиотеке Нью-Йорка.

В разделе «Хайме Неварес в историографии латиноамериканского коммунизма» автор тщательно проанализировала работы предшественников, к которым имеем честь принадлежать и мы, работавшие с документами архива Коминтерна в Москве, сравнила имеющиеся противоречия, выяснила неточности и пришла к ряду неординарных выводов.

«От Джеймса Сагера до Хайме Невареса. 1925—1932», «Джеймс Сагер после Хайме Невареса. 1932—1979», «Иллюзионисты. Хайме Неварес в глобальном контексте международного коммунизма» — в этих разделах книги автор размышляет о происхождении псевдонима американского коммуниста, которого называет «хамелеоничной личностью», предполагая, что «отсутствие последовательности в выборе имен, которое идентифицировало бы его на протяжении всего этого периода, означает, что он пережил процесс личной трансформации, колеблясь между идентичностями», что «дело было не просто в следовании правилам достижения анонимности и присвоения вымышленного имени, которое не вызывало бы подозрений. Сагер практически готовился заново создать себя, добавив в свою личную историю некоторые химерические элементы и воображаемое семейное прошлое. Первая буква фамилии матери — Натансон теперь служит для маскировки истинной личности Сагера, превращая его подсознательно и с помощью магии в сына воображаемой латиноамериканской женщины с фамилией «Неварес». ... Выбор вымышленной фамилии представлял собой заранее обдуманную стратегию... Латинская фамилия открывала двери в островную среду [в Пуэрто-Рико]..., во взаимодействии с лидерами националистов она могла бы стать культурным мостом при общении с людьми с определенными антиамериканскими ксенофобскими подозрениями». [5, р. 145]. Как представляется, это и о романтической личности Сагера, и о том, что он вряд ли был классическим «агентом Коминтерна» (как его описывают в литературе — штатным эмиссаром Интернационала, выполняющим задания центра). Он сам сформировал свою легенду, не пользуясь фальшивыми паспортами, не получая финансовой поддержки своей партии и, тем более, Москвы, а являясь искателем приключений, предложившим партии себя в качестве миссионера коммунистической идеологии.

Уезжая с острова, Х.Неварес Сагер оставил оба своих детища — секцию *LADLA* и *LC*, — как ему казалось, в надежных руках. По его рекомендации, секция избрала секретарем Висенте Гейгеля Поланко, удостоившегося блестящей характеристики от «отца-основателя»: «Секцию возглавит один из самых выдающихся и способных молодых отечественных антиимпериалистов. Он блестящий писатель и сделает нашу секцию одной из выдающихся» [5, р. 102]. Однако в биографии В.Гейгеля — основателя Народно-демократической партии (*Partido Nacional Democrático, PDN*), которая долгие годы (с перерывами) была правящей на острове, и генерального прокурора Пуэрто-Рико в администрации Луиса Муньоса Марина, мы не найдем упоминания о его деятельности в *LADLA*. Объяснение этому С.Пухальс дала в описании жизненного пути Анхеля дель Рио, которому Х.Неварес Сагер передал руководство Коммунистической лигой.

Литературоведы-испанисты удивляются, увидев название главы «Испанский товарищ: Анхель дель Рио, знаменитый профессор-сервантист и зарождение международного коммунизма в Пуэрто-Рико, 1926—1927». Им известен автор книг об испанской литературе, друг поэта Федерико Гарсиа Лорки, лидера движения за обновление и модернизацию литературного анализа творчества Мигеля Сервантеса, «культурного посла Испании» во время эмиграции после гражданской войны. Но у него, пусть короткое время, была и другая ипостась. С.Пухальс показала яркий эпизод из жизни «попутчика» испанской компартии, едва не ставшего лидером коммунистического движения Пуэрто-Рико. Употребляя русский термин, автор подробно разъясняет это явление в международном коммунистическом движении («Попутчики и коминтерновский транснационализм»). Как в старом романсе, они «странныо встретились и странно разошлись» — приглашенный профессор университета Сан-Хуана и организатор антиимпериалистического движения на острове. Автор рассматривает варианты их знакомства, но ведь неважно, где и как они познакомились. Существеннее то, что Х.Неварес Сагер увидел в молодом литературоведе такого же, как он сам, миссионера коммунистических идей и то, что А.дель Рио взял на себя эту роль, приняв участие в учреждении Коммунистической лиги. Так появился его двойник — «Леандро Кабрера». С.Пухальс идентифицировала загадочного помощника генерального секретаря *LC*, раскрыв его достаточно прозрачный псевдоним: Л.Кабрера — часть имени испанского ученого.

Но «Л.Кабрера» вскоре исчез, так как вслед за своим наставником остров покинул А. дель Рио. Но, если «Сагер продолжил свой коммунистический крестовый поход в Колумбии, ... дель Рио, вероятно, уже начал отказываться от какой-либо связи с коммунизмом..., убедившись в пагубных последствиях идеологического экстремизма, на которые он намекал позже в своих трудах... Два года спустя дель Рио начал новую жизнь в качестве профессора престижного Колумбийского университета, навсегда оставив свое краткое увлечение коммунизмом, а также свою альтернативную личность — Леандро Кабреру» [5, р. 117]. И только усилиями пуэрто-риканской исследовательницы удалось восстановить неизвестный «донкихотский» эпизод, который сам А. дель Рио предпочел не обнародовать.

Как отмечает автор, ««эфемерная история» пуэрто-риканской секции Антиимпериалистической лиги закончилась быстро, без боли и славы» [5, р. 99]. Действительно, «крошечная группа исчезла с местной политической сцены, но ее кратковременное присутствие оставило следы в долгосрочной перспективе. Почти десять лет спустя при поддержке Коминтерна будет создана Коммунистическая партия Пуэрто-Рико, которая за кулисами будет участвовать в формировании интеллектуальной и культурной основы политической системы последующих времен» [5, р. 31].

Это десятилетие достаточно подробно исследовано в монографии как время целенаправленных действий по созданию в Пуэрто-Рико компартии, только уже не энтузиаста-одиночки Х.Невареса Сагера, а структур Коминтерна. К этим сюжетам в лучшем случае только подступались другие исследователи, и заслуга пуэрто-

Лазарь Хейфец

риканского ученого — в новых подходах к этому сюжету, которые кратко и образно сформулированы в названии одной из глав: «У птицы три крыла: Карибское бюро Коминтерна, Куба и коммунистический радикализм в Пуэрто-Рико, 1931—1936 гг.». Оценивая роль нового регионального органа Коминтерна, С.Пухальс делает вывод, что «Карибское бюро сформировало новую политическую, экономическую, социальную и культурную карту региона, который до этого являлся изолированным и фрагментированным. В представлении Бюро его границы выходили за рамки традиционных географических, культурных, языковых и расовых границ, разделяющих территорию, объединяя в географическом единстве Карибские острова, республики Центральной Америки, Венесуэлу, Колумбию и Эквадор. Это видение было не только специфически карибским, но и беспрецедентным, потому что сами местные лидеры ранее не рассматривали эту конфигурацию как единое целое. Руководители Бюро преобразовали коммунистическую деятельность, определили общие карибские знаменатели, уникальные для региона, при учете общего исторического, социального и культурного опыта» [5, р. 161].

Трудно не согласиться со смелым выводом С.Пухальс о том, что это видение регионального органа Коминтерна, предложенное для более эффективного руководства борьбой за «Советские Карибы», после Второй мировой войны стало рассматриваться как основа политической, экономической и культурной интеграции стран региона. Автор связывает это с тем, что взгляды некоторых будущих политических и культурных лидеров стран Карибского бассейна формировались в Нью-Йорке, где действовало бюро и который в то время был не только центром карибской диаспоры, но и точкой соприкосновения иммигрантов и «агентов международного коммунизма». Программа действий Коминтерна предоставляла молодым иммигрантам опыт разработки прогрессивных политических, социальных и трудовых программ, позже активированных в рамках региональной деколонизации и процесса демократизации.

Как пишет С.Пухальс, отношения «агентов международного коммунизма» и представителей коренных народов региона «косвенно способствовали развитию видения общего карибского опыта, в котором борьба за справедливость, расовое равенство и свободу, а не традиционные западные стандарты могла служить общим знаменателем. «В этом процессе так называемые «попутчики», бывшие радикалы с коммунистическим прошлым или коротким романом с идеологией в своей биографии, возродились как символы нового карибского демократического государства и культурного пробуждения региона. То, что было запретным, опасным или экстремальным в коммунизме 1930-х годов, включая восьмичасовой рабочий день, меры по безопасности, социальное обеспечение трудящихся или борьба с расовой дискриминацией, было преобразовано в демократические стандарты современности в регионе после Второй мировой войны» [5, р. 164]. В связи с этим крайне интересно обращение к биографии первого губернатора Пуэрто-Рико Л.Муньоса Марина, который, работая помощником секретаря испанской секции Панамериканской Федерации труда (*Panamerican Federation of Labor, PAFL*) Сантьяго Иглесиаса, участвовал в создании Венесуэльского рабочего союза (*Unión Obrera Venezolana, UOV*) — организации эмигрантов, которую возглавлял коммунист Рикардо Мартинес, пытавшийся наладить сотрудничество с *PAFL*. С.Пухальс отмечает: «В случае с Муньосом Марином его связь с коммунистами тогда и позже, внутри и за пределами острова является одной из наименее изученных тем в историографии Пуэрто-Рико» [5, pp. 183-184].

Говоря о связях пуэрто-риканских и кубинских коммунистов, автор сосредоточила внимание на совместной работе будущего генсека *PCPR* Альберто Санчеса с кубинцами Рубеном Мартинесом Вильеной, Хорхе Виво, Франком Ибаньесом в Карибском бюро и его газете *Mundo Obrero*, видении пуэрто-риканских проблем кубинскими коммунистами. За пределами анализа, и это легко объяснимо (нельзя объять

необъятное), оказалась миссия «старшего брата», которую по поручению Москвы после революции 1933 г. осуществляла кубинская секция Коминтерна: оказание поддержки коммунистическому движению в карибских странах. В решении этой задачи, например, участвовал Х.А. Виво, побывавший на острове в 1934 г. для разрешения внутреннего кризиса в только что родившейся пуэрто-риканской партии [6, с. 60-83].

В книге С.Пухальс по крупицам собрана биография А.Санчеса, описана его эволюция как политического деятеля: в 1920-е годы он занимал пост президента нью-йоркского отделения *PN*, но был исключен за «нелояльность» и вступил в 1928 г. в *W(C)PA*, где проявил себя как коммунистический организатор и агитатор «необычайного таланта и обширного опыта» на заводах Форда в Нью-Джерси и в Колорадо, помогал организовывать латиноамериканских рабочих; был избран делегатом конгресса Международной организации помощи борцам революции (МОПР) в Москве; по возвращении в США назначен членом редсовета *Mundo Obrero*, а затем направлен Карибским бюро в Пуэрто-Рико с миссией по организации партии. В начале 1940-х годов А.Санчес стал также генеральным секретарем главного профсоюзного центра острова — Всеобщей Конфедерации трудящихся. Важно отметить, что в период его руководства партия была принята в Коминтерн (1935 г.), а затем, вслед за компартией США, в полном соответствии с идеями Эрла Браудера вышла из него (1940 г.), объявив о своем роспуске (1944 г.). В это же время начались его контакты с *PDN*, за что он был исключен из подпольной коммунистической организации, продолжавшей действовать после официального роспуска партии, и перестал быть связующим звеном между *PCPR* и другими компартиями. В качестве активиста *PDN* А.Санчес был избран депутатом и входил в комиссию по созданию конституции, провозгласившей Свободно присоединившееся государство Пуэрто-Рико.

В заключительной главе («Летучая бригада»: количественный анализ личного состава органов Коминтерна в Латинской Америке и Карибском бассейне. 1919—1943») автор решила расширить рамки своего исследования, показав интересный подход к изучению феномена деятельности «агентов III Интернационала». Она попыталась выяснить, было ли это «проявлением интернационализма или диктатурой»; понять проблему разрыва поколений, отношений «отцов и детей»; исследовала на основе доступного ей материала участие женщин, образовательный уровень посланцев Москвы. Тем самым С.Пухальс открыла дорогу масштабному исследованию, которое можно, как представляется, провести в будущем, значительно расширив ареал источников.

Важно отметить, что автор очень бережно относится к интерпретации фактов, использованию документов, прежде всего при невозможности их сравнить, перевернуть. Поэтому в тексте книги часто встречаются слова «вероятно», «можно предположить». И это говорит о высокой культуре исследования, профессионализме С.Пухальс.

Историография Коминтерна обогатилась новой яркой работой... Нет, не так. В историографию III Интернационала ворвалась Сандра Пухальс, первая монография которой (по тематике Коминтерна) отличается оригинальностью, глубиной и широтой исследования, яркостью образов, новизной подходов. Можно только поздравить тех, кто сможет прочитать эту книгу. Будем ждать новых исследований автора.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Красный пилигрим. Эпизоды жизни Джеймса Хартфилда. *Латинская Америка*. М., 2015, № 7, сс. 67-85. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Krasnyi piligrim. Epi-zody zhizni Dzheimsa Hartfilda [The Red Pilgrimage. Some episodes from the biography of James Hartfield]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2015, N 7, pp. 67-85] [in Russ.].

Лазарь Хейфец

2. Meschkat K. y Rojas J.M. (compiladores). Liquidando el pasado. La izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética. Bogotá: FESCOL-Taurus, 2009, 858 p.
3. Jeifets L., Jeifets V. El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación y orientación hacia la "transformación Bolchevique". Varios episodios de la historia de relaciones entre Moscú y el comunismo colombiano. *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*. Bogotá, 2001, № 28, pp. 4-37.
4. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите мировой революции. М.: Политическая энциклопедия, 2020, 759 с. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Latinskaya Amerika v orbite mirovoi revolutsii [Latin America in the orbit of the World Revolution]. Moscow: Politicheskaya entsiklopedia, 2020, 759 p. [in Russ.].
5. Pujals S. Un Caribe soviético: el comunismo internacional en Puerto Rico y el Caribe, 1919—1943. Madrid: Ediciones Complutense, 2022, 286 p.
6. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Забытый генсек. Очерк политической биографии Хорхе Виво д'Эското. *Латинская Америка*. М., 2011, № 4, сс. 60-83 [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Zabytyi gensek. Ocherk politicheskoi biographii Khorkhe Vivo d'Escoto [The Forgotten General Secretary. Political biography of Jorge Vivó d'Escoto]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2011, N 4, pp. 60-83] [in Russ.].

Lazar S.Jeifets (ilaranspb@hotmail.com)

Dr. Sc. (History), professor at the Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7/9, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation

Professor at the State University of Aerospace Instrumentation

Bolshaia Morskaya Str., 67, 190000 Saint-Petersburg, Russian Federation

The Caribbean story of the world revolution

[Review of the book: Sandra Pujals. Un Caribe soviético: el comunismo internacional en Puerto Rico y el Caribe, 1919—1943. Madrid: Ediciones Complutense, 2022, 286 p.]

Abstract. The reviewed book – written by Sandra Pujals – is the result of a study of the little-known history of the formation of the Communist movement in the Caribbean region, primarily in Puerto Rico. Based on previously unknown archive documents, the author was able to show the contradictions of the development of the revolutionary movement in Puerto Rico, the nature of relations between the Caribbean Bureau of the Comintern and the Communist Party of the United States in the formation of the Anti-Imperialist and Communist movements in the Caribbean, and managed to recover some unknown episodes of the biographies of participants in those events.

Key words: Jaime Nevarez; All-American Anti-Imperialist League; Puerto-Rican Communist Party; Comintern; Nationalist Party.

DOI: 10.31857/S0044748X25020086

Received 10.06.2024.